

ИНТРИГАНКА

*Любовь, которая похожа
на солнечный удар.*

ТАТЬЯНА
ТРОНИНА

Дарю Еву

Татьяна Михайловна Тронина
Интриганка
Серия «Дочери Евы»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8275771

Тронина, Татьяна Михайловна. Интриганка: Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-74430-5

Аннотация

Он был красив, как молодой бог, – прекрасно сложенный, с идеальными чертами лица. Такого нужно рисовать или, даже лучше, – лепить. Вот только одно «но»: случайно ли он оказался на пороге ее дома?.. Возможно, Зоя слишком подозрительна, но как же иначе, если бывшая лучшая подруга ведет с ней необъявленную войну не на жизнь, а на смерть!

Татьяна Трoнина

Интpиганка

© Трoнина Т., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

* * *

– Зоя Станиславовна, я вас не отвлекаю? – прозвучал из переговорного устройства низкий, без интонаций, мужской голос.

Сивохин.

– Нет, Василий Петрович. Что случилось? – ответила Зоя.

– На улице перед нашими воротами, как раз под видеокamerой, стоит внедорожник, – сообщил Сивохин, а затем отчеканил номер машины, который не был знаком Зое.

– Не знаю такого... А в чем проблема?

– Он полчаса уже там стоит. Похоже, заглох.

– А кто в машине? – Зоя кинула взгляд на окно. Белым-бело... Снег как начался с утра, так до сих пор и не думал затихать.

– Мужчина. Один, кажется. Сейчас вот под капот полез, мне на мониторе видно.

– И что? – недовольно произнесла Зоя.

– Нет, ничего. Информую на всякий случай.

– Спасибо, Василий Петрович. Ну, заглох мужик и заглох. Его проблемы... – Она нажала на кнопку отбоя.

Зоя не то чтобы злилась на Сивохина, нет, но определенно ощущала некую досаду каждый раз, когда Василий Петрович приставал к ней с подобной ерундой. То люди у ворот остановились незнакомые, то к соседям гости приехали, машинами дорогу перегородили... Хотя, с другой стороны, его тоже можно понять – охранник честно отрабатывает свои деньги, сообщает своей хозяйке обо всем, что вокруг творится.

Сивохины, Василий Петрович и Елизавета Остаповна, жили в гостевом домике, неподалеку от главного дома, который целиком занимала одна Зоя.

Супруги – беженцы из ближнего зарубежья, эту работу воспринимали как подарок с небес. Тут и крыша над головой, тут и зарплата, пусть и весьма скромная... А куда им, в пятьдесят с лишним лет, бездетным, бездомным, никому не нужным, еще податься?

Елизавета Петровна вела хозяйство в доме Зои – готовила, убирала, Василий Петрович охранял.

Частный дом, что стоял в поселке под названием Рушницы, весьма далеко от Москвы, требовал постоянного присмотра, мужских рук. То крышу починить, то котлы в подвале проверить, то забитый листвой водосток прочистить...

Жизнь на природе, вдали от города, в собственном доме только сначала кажется сказкой. Ведь в городе жильцу многоквартирного дома ни о чем не надо думать – все за него

сделают соответствующие муниципальные службы: и почи-
нят, и прочистят, и проверят... А тут – сам, все сам. Своими
ручками, за свои денежки.

Так что, если подумать, Зое тоже повезло с Сивохиными.
Поди найди в наше время хорошую прислугу... А Василий
Петрович и Елизавета Остаповна работали не за страх, а за
совесть.

...Зоя опять устроилась перед компьютером.

По электронной почте пришло сообщение от Лены Бол-
конской: «Зюечка, жду тебя завтра в своем «салоне». Бу-
дут только наши друзья! И ни одного врага! Кстати, Аркаша
Неверов о тебе спрашивал...»

«Постараюсь приехать», – скупно ответила Зоя. Однако,
Болконская ее, что ли, за Неверова собирается сватать?!
Бред.

Такие старые друзья, как Неверов и Зоя, уже не могут
стать любовниками.

Еще сообщение – от заказчицы: «Зоя Станиславовна, по-
лучила фото, всем удовлетворена! Надо бы дальнейшие пла-
ны обсудить».

Зоя в ответ написала, что, возможно, будет завтра в городе
и заглянет к заказчице.

– Зоя Станиславовна, – опять ожило переговорное
устройство. – Мужчина из внедорожника ко мне обратился,
я с ним по домофону общался... Просит телефон, чтобы по-
звонить в свой сервис. У него, похоже, машина сломалась.

– А у самого что, нет телефона? – удивилась Зоя.

– Говорит, забыл дома, – сообщил Сивохин. И добавил все тем же, без интонаций, голосом: – Других соседей нет, похоже. Больше не к кому ему пойти. Вроде приличный мужчина, и машина у него хорошая, иномарка...

«Иномарка... Можно подумать, отморозки только на «Жигулях» ездят! И телефон еще кому ни попадя давать!» – недовольно нахмурилась женщина.

– Вот что, Василий Петрович, запишите номер сервиса, а потом сами туда позвоните, вызовите эвакуатор.

Короткая пауза. Потом ответ:

– Да, понял.

На этом очередной сеанс связи закончился.

Зоя прочитала еще несколько писем, ответила на них.

В голове все еще вертелась фразочка Болконской: «Кстати, Аркаша Неверов о тебе спрашивал...» Вот надо этой Болконской людей сводить-разводить, быть в центре всех слухов и сплетен! Лена Болконская – неплохая тетка, многим помогает, часто дельные советы дает, но есть в ней эта противная черта – совать во все свой нос!

Лена считает, что Зое пора замуж. А какое ей вообще дело до Зоиной жизни?! 36 лет – это еще не возраст в наше время. Но нет, Лена при каждом удобном случае намеки делает, пытается познакомить с кем-то... И это при том, что сама Болконская одинокая! Ей, правда, шестьдесят уже, но это тоже не возраст... Ее сын давно в Германии, могла бы

найти себе спутника жизни...

– Зоя Станиславовна! – опять включилось переговорное устройство, заставив Зою вздрогнуть. – Я, как вы и говорили, сам позвонил в сервисный центр. А они вот только что перезвонили на наш номер и сказали, что сегодня выехать не смогут. Погода не та...

– Что значит – не та... – пробормотала раздраженно Зоя. – Я не понимаю, чего этот мужик за воротами хочет.

– Да холодно ему там, вот что, – спокойно сообщил Сивохин.

– Ну так вы его к станции отвезите... Электрички-то ходят? А со своей машиной он пусть потом разберется.

– Зоя Станиславовна, и я тоже к станции проехать не смогу, потому что снегу – по самые уши. Вы знаете – грейдер только завтра утром дорогу будет чистить.

– Так много снегу?

– Очень много.

– И... что же делать?

– Вот я вас и спрашиваю, вы же хозяйка. Пусть мужик там помирает от холода или к себе его пригласить?

Зоя хотела сказать, что пусть Сивохин к себе незваного гостя в дом и зовет, но потом вспомнила, что в каморке прислуги и без гостей не повернуться.

– Василий Петрович, а он приличный, этот товарищ из внедорожника? – строго спросила она. – На бандита не похож?

– Нет, совсем не похож, – выдержанно ответил Сивохин. – Говорит, актер. И вот Елизавета Остаповна тоже утверждает, что видела его в телевизоре... Лицо очень знакомое.

– Возьмите у этого человека паспорт. Ну, или какие там у него документы... И проводите сюда, в дом. Ко мне. Посмотрю я на этого актера, – вздохнула Зоя.

Минут через десять она услышала из прихожей звук шагов. Распахнула дверь – на пороге стояли Сивохин и незнакомец.

– Вот, Зоя Станиславовна, как вы и сказали... – без интонаций загудел охранник – в овчинном светлом тулупе, мощных унтах, шапке-ушанке, приземистый, с бордовым румянцем на щеках – как есть персонаж из почти забытых поэм Некрасова о крестьянах. – Документы я проверил.

– Здравствуйте, – просипел незнакомец. Одет он был погородскому, несерьезно – без головного убора, в короткой куртке... Корка снега на плечах, на волосах. Даже лица не разглядеть. Кажется, Сивохин был прав, когда забеспокоился о здоровье незадачливого автовладельца. В первый раз Зоя ощутила укол совести, и ей стало жаль человека, попавшего в передрагу.

Но с другой стороны, это ж какая глупость – пускаться в непогоду путешествовать, да еще без телефона... А если бы его машина где-нибудь в лесу заглохла? Он бы просто погиб, пропал бы! Идиотизм, пофигизм, инфантилизм...

– Здравствуйте, – печально ответила Зоя. – Проходите.

Переодевайтесь, пожалуйста. Сейчас найду вам что-нибудь согревающее.

– Елизавета Остаповна уже идет сюда чай делать, – сообщил Сивохин.

– Да, спасибо. А у меня коньяк есть.

– Спасибо, – прокашлявшись, уже более внятно ответил гость. – Я Лука. А вы Зоя, я слышал.

– Лука? Редкое имя... Очень приятно, – улыбнувшись формально, кивнула Зоя. – Проходите сюда, в гостиную. Как же вы так...

– А вот так. Сам не знаю.

– Держите плед, в него еще завернитесь. Сейчас я вам коньяк принесу.

Зоя вышла из гостиной. А когда вернулась, то там уже хлопотала Елизавета Остаповна. На столе фырчал электрический чайник, звякали ложки о фарфор...

Гость к этому моменту уже приобрел более-менее человеческий вид – снег на его волосах растаял, щеки порозовели. Незнакомец оказался еще молодым мужчиной, примерно возраста Зои. Или старше? Но не намного, во всяком случае... Лет сорок ему, может быть? И бандитом он совсем не выглядел. Обычный городской житель. Красивый, кстати. И ухоженный. Даже непогода не лишила его лоска...

Лука. Стильное имя. Пожалуй, нечего его бояться. То есть Зоя его с самого начала и не боялась, она просто перестраховывалась, будучи нормальным человеком, поскольку кто

ж в наше время готов просто так, с улицы, впустить к себе в дом незнакомца...

Но этот Лука, по крайней мере на первый взгляд, никаких опасений не внушал.

– Спасибо, Елизавета Остаповна, – вежливо сказала Зоя.

– Пожалуйста, – отозвалась та – низенькая, крепкая, щекастая, похожая на своего мужа, точно сестра. И шепнула на ухо Зое: – Я пока на кухне посижу.

– Да, конечно, – согласилась Зоя. Села на диван, включила телевизор – не выносила молчания, а говорить самой не хотелось. Какой-то фильм.

Лука пил чай, грел руки о стакан.

– Простите, что побеспокоил, – наконец сказал он. Голос у него был приятный, с хрипотцой. Бархатный голос.

– Да не за что, – пожала плечами Зоя.

– Ехал, ехал, и вдруг мотор заглох...

– Бывает.

– Вы одна здесь?

– Нет, как видите, – неохотно ответила Зоя. – Хотите еще чего-нибудь?

– Спасибо, нет.

«Не представляю, как с ним ночевать? Запереть его? Самой запереться? А вот как? С Елизаветой лягу в одной комнате, и запремся. Хотя... Он на бандита и вора не похож. Не вокзальный проходимец. Но все равно, нельзя терять бдительность. Красть у меня особо нечего, но... Да нет, он не из

ворюг. А если обаятельный жулик? Не исключено. Маньяк?! Обязательно надо запереться. Хотя я не в том возрасте и не такая красавица, чтобы маньякам нравиться. Ох, как же мучительно с чужими людьми общаться...» – размышляла Зоя, глядя на экран телевизора.

Фильм прервался рекламным блоком. Зоя хотела нажать на кнопку «отключение звука», но гость неожиданно весело произнес:

– Стоп! Минутку... Зоя... Можно, я вас Зоей буду называть? Узнаете?

В первый момент Зоя не поняла, что она должна узнать и где. А потом... На экране, в рекламе про кошачий корм – снимался именно он, Лука. Короткая история о брутальном мачо-мэне и его любимом котике... Так вот кого действительно занесла нелегкая в ее дом! Выходит, и правда актер.

– Надо же! Это вы, – улыбнулась удивленно Зоя.

– Да, это я. Я актер, снимаюсь в рекламе и кино, в сериалах, – Лука перечислил несколько названий, ни одного фильма Зоя не знала. Она не смотрела отечественное кино и тем более отечественные сериалы – только зарубежные, если на то пошло.

Но тем не менее после этого рекламного ролика в Зоинем сознании произошел перелом – она вдруг успокоилась и перестала терзать себя, что впустила в дом незнакомца. И произнесла вполне благодушно:

– Придется вам остаться тут до утра, Лука. Утром грейдер

снежные завалы расчистит, и можно будет спокойно по нашим дорогам ездить. Вашу машину заберут, а Василий Петрович вас до станции подбросит. На электричке доедете до Москвы или куда там вам надо...

– Вы не представляете, как я вам благодарен, – серьезно, с чувством произнес Лука. – Вы необыкновенная – пустить в свой дом чужака... Человека с улицы!

– Я бы и не пустила, – усмехнулась Зоя. – Честно. Если бы не эта жуткая погода... Я, одинокая женщина, и два пенсионера (вы их видели, мои помощники) – если что, то мы совершенно беспомощны перед серьезной угрозой.

– О, да, понимаю! Понимаю и ценю. Вы обязаны быть настороже.

– Да ничего я не обязана... – махнула рукой Зоя. – Столько дур вокруг, которые в дом к себе не пойми кого пускают, а потом расплачиваются. Я – не сентиментальна и не романтична. Просто меня бы совесть потом заела, если бы вы там на дороге замерзли, у моих ворот.

Лука смотрел на Зою во все глаза, с удивлением и интересом. Кстати, мужчина был не просто красив, а очень красив. Поэтому ничего удивительного, что он – актер. Все вполне логично. Такому красавцу – только на телеэкран: стройный, крепкий, гармоничный; безупречная улыбка, длинные ресницы, нос с небольшой горбинкой; но ничего женственного в чертах лица, и взгляд цепкий, хищный, откровенно мужской. Наверное, типичный альфа-самец этот Лука.

Короче, не метросексуал. Хотя... Волосы – длинноватые и какого-то подозрительного цвета, у корней темные, на концах светлее. Красится он, что ли? Или недавно участвовал в съемках, и краска еще не сошла?

Кстати, о сериалах. Очень похож по типу на актера, игравшего в когда-то модном «Lost», то есть в «Остаться в живых», где самолет разбился на острове. Да-да-да, точно! Там еще Евангелина Лилли играла, рыжуля с хищной улыбочкой. А тот актер, с каким Зоя сравнила Луку, играл Сойера. Если напрячься, то можно вспомнить фамилию...

– А знаете, вы очень похожи на Джоша Холлоуэя, – сказала Зоя.

– Знаю. Мне это говорит не просто каждый второй, а... каждый, – кивнул Лука. Он допил коньяк из рюмки, отставил ее, задумавшись. У губ пролегал складка. Кажется, красавчик был недоволен тем, что его сравнивали с голливудской звездой. Наверное, он хотел, чтобы других сравнивали с ним...

– Наливайте еще, все равно завтра за руль не садиться, – напомнила Зоя.

– Не люблю я один пить, – пожал плечами Лука.

Зоя поднялась с дивана, села в кресло напротив. Лука придвинул к себе еще одну рюмку, налил в обе.

– За добрых людей, – серьезно, даже мрачно произнес он. Они с Зоей чокнулись.

– Тяжело в рекламе сниматься? – спросила она.

– Не особо. Но там – все по-другому... – На экране фильм опять сменился рекламной заставкой, и вновь – Лука с кошачьим кормом. – Вообще, в рекламе три главных козыря – секс, дети и животные.

– Как все просто! – засмеялась Зоя.

– А человек прост сам по себе, чего уж там. Но! Если снимаешь рекламу с участием животных, тут главное – не переусердствовать. Иначе какой-нибудь кот запомнится, а что он там рекламировал – напрочь вылетит у зрителя из головы. Словом, должен запомниться сам товар.

– Надо же!

– А то. Потом, каждое животное – это символ чего-либо. Заяц ассоциируется у зрителя со стремительностью, вот с его помощью и рекламируют батарейки. У бобра крепкие зубы – значит, его можно использовать в рекламе зубной пасты. Некоторые животные становятся символами какой-либо марки.

– А кот что обозначает?

– Ну, в данном случае кот – просто кот. Реклама кошачьего корма. А вы, Зоя, кто по профессии?

– Я? Я скульптор.

– Боже... Это ж дико сложно, как я понимаю. Мужская профессия! – поднял красивые широкие брови Лука.

Зоя махнула рукой. О своей профессии она не хотела говорить.

– Нет, я потрясен, серьезно... У вас ведь должна быть ма-

стерская своя, да?

– Ага. Она рядом. Я здесь работаю, в отдельном помещении.

– Покажите, – решительно произнес Лука.

– Зачем?

– Я вас очень прошу. Безумно интересно.

Зоя задумалась, вертя в ладонях пустую рюмку. Но она не могла не признать, что внимание Луки ей нравится.

– Ладно, покажу, – наконец сказала она. – Идемте за мной.

Прошли по узкому коридору, в конце которого – дверь, ведущая в другой коридор, и потом – новая дверь. Зоя распахнула ее.

Громадная комната с высоким потолком и огромными окнами. Скульптуры по периметру и на полках; отдельно, на деревянном столе, – инструменты, которыми пользовалась Зоя при работе: молотки, долото, резцы, разновидности электропил и шлифовальных машин...

– Ого... – потрясенно произнес Лука, оглядывая помещение.

– Собственно, это главное мое богатство, – сказала Зоя. – Но я не боюсь, что воры покусятся на мои скульптуры. Это не бронза, а мрамор, лабрадор. Вот там – гранит. Полтонны мрамора кто унесет? Без специальной техники и бригады рабочих это сделать невозможно. Эскизы я делаю в глине, как видите... Больше всего я боюсь, что упрут мои инструменты. Они в любом хозяйстве пригодятся!

Зоя кокетничать с мужчинами никогда не умела. Наверное, надо было как-то иначе разговаривать сейчас с Лукой, но... «А какой смысл мне стараться ему понравиться? Он же – невооруженным глазом видно – избалован женским вниманием. А тут перед ним не очень молодая, не очень красивая тетка. Зачем я ему? Ну, разве только из благодарности, что я пустила его в дом, заняться со мной разок сексом... Ой. Я что, уж думаю о сексе?»

– Можно? – Лука подошел к столу, вернее, верстаку, принялся с живым любопытством перебирать лежавшие на нем инструменты. – Отличная шлифовалка... А это что? Боже, мой дед за эту дрель полжизни бы отдал. У меня дед был столляр-краснодеревщиком, – пояснил Лука, обернувшись. – Делал мебель. Я все детство и юность в его мастерской провел... А это что – пылесос, промышленный?

– Ага, – кивнула Зоя. – Знаете, сколько пыли и шума бывает. Порой, работаю в полной защитной амуниции – очках, специальной маске, наушниках...

– Не-ве-ро-ят-но... Зоя, я искренне вами восхищаюсь, – Лука шагнул к ней, взял ее руку и галантно поцеловал. – Более неординарной женщины я еще не встречал. Но я не сказал главного! Как это все красиво, – он, не отпуская Зоиной руки, вновь огляделся. – Прекрасные работы.

– Вы ж не специалист.

– Я зритель! – горячо возразил он. – Вы думаете, в музеи ходят только художники и профессиональные скульпторы?

Нет! Красоту способен оценить любой... – Лука отпустил Зоину руку, пошел вдоль стен, разглядывая скульптуры. С восхищением комментировал каждую.

Черт возьми, Зое было приятно его слушать. Пусть она и не умела кокетничать, но зато ловко сорвала кучу комплиментов в свой адрес!

– Но как же вы ворочаете все эти тяжести? Одна?!

– Василий Петрович помогает. Кроме того, у меня много всяких специальных приспособлений. Бригаду рабочих вызываю – когда камень надо привезти или отвезти... Есть знакомые, проверенные люди, из соответствующей фирмы. Так что тут все продумано, – объяснила Зоя.

– А это что? – Лука указал пальцем на один из монументов, прикрытый холстиной.

Зоя откинула ткань.

Черный лабрадор, работа в человеческий рост. Женщина сидит на скамейке, поджав ноги, с книгой на коленях. Лицо поднято вверх, она словно прислушивается к чему-то, рот мечтательно полуоткрыт.

– Класс. Нет слов. Слова пусты, – распинался Лука, прижимая руки к груди. – Как живая.

– Она мертвая, – после небольшой паузы произнесла Зоя, наблюдая за реакцией гостя. – Это надгробный монумент. Я работаю на заказ. Делаю вот такие штучки... Эту скоро увезут заказчики, на кладбище.

Лука вздрогнул, замер. Какая-то тень пробежала у него по

лицу.

– Страшно? – с улыбкой спросила Зоя.

– Страшно, – не сразу ответил Лука. Взял из ее рук холстину, завесил аккуратно монумент.

– Ну, насмотрелись?

– Насмотрелся.

– Тогда идемте обратно, в гостиную.

Они вернулись назад.

– Минутку... – Зоя оставила гостя на время, прошла к Елизавете Остаповне на кухню. – Все в порядке. Можете идти.

– Да как же...

– Ничего-ничего. Идите. Это хороший, порядочный, известный человек, нет смысла его сторожить.

– Как скажете, – кивнула Сивохина.

Наверное, будет потом с мужем сплетничать – о том, как хозяйка с первым встречным роман закрутила. А то. Эти наемные работники... все они ненавидят своих хозяев. Просто потому, что хозяевам повезло, а им, прислуге, – нет.

Зоя вернулась в гостиную с тарелкой бутербродов.

– Есть не хотите? Или весь аппетит вам отбила? – весело спросила она гостя, ставя тарелку на стол.

– Не отбили, – задумчиво произнес Лука. Налил еще коньяка в рюмки. – А это что?

Зоя проследила за его взглядом. Над столом, на небольшой полочке, – резная миниатюра, наподобие открытки.

Солнце, дерево, цветы. Зое она казалась банальной, но жалко выбросить.

– Я вырезала, – призналась она. – Это слоновая кость. Давно. Больше этим не занимаюсь.

– Очень мило! – восхитился Лука. – На все руки мастер...

– За искусство?

Они чокнулись, выпили. Некоторое время сидели молча.

– Удивительная вы женщина, Зоя... – пробормотал Лука. – И ваша профессия, и ваши взгляды на жизнь... Давайте на «ты»?

– Согласна. Будем на «ты». Только я не понимаю, чем мои взгляды на жизнь удивительны?

– Очень прямые. Очень мужские какие-то даже.

– О, мне многие говорили, что я мужик в юбке...

– Нет-нет, я не о том. Я об отсутствии хитрости, о прямо-те. Об искренности. Женщины редко бывают искренними. А именно этого им и не хватает. Для их же счастья.

Лука говорил, а Зоя смотрела на него. И внешность гостя, и его повадки, и то, как он одет (вроде бы просто, но очень стильно), и как говорит – все это чем дальше, тем сильнее ее завораживало.

Зое было приятно общаться с красивым, очевидно, неглупым мужчиной.

«Он мне нравится. Если он вздумает позволить себе больше, то... я его не остановлю, – подумала она. Но тут же осекла себя: – Дура! Размечталась! – Потом: – А почему не по-

мечтать? Хоть раз в жизни провести ночь с красивым мужчиной!»

Подобные мысли были удивительны самой Зое. Дело в том, что она никогда, ни при каких обстоятельствах не позволяла себе авантюру. Наверное, именно поэтому и оставалась одинокой до сих пор, – все время строила барьеры между собой и окружающими.

И главное – красота. Зоя еще никогда не сталкивалась с красивыми мужчинами. Во-первых, круг ее общения был достаточно ограничен. Во-вторых, не все красивые мужчины, которых она хоть и редко, но встречала в жизни (те же натурщики, например), вызывали у нее восхищение: либо глуповаты, либо откровенные павлины, либо в их внешности Зоя, знаток пропорций и гармонии, непременно находила какой-нибудь изъян – то скошенный затылок, то чересчур выраженные надбровные дуги (делают человека похожим на обезьяну, на неандертальца), то коротковатые ноги, то еще что...

Лука же был совершенен. Причем совершенен и в статике, и в динамике, когда двигался. И не противен при этом, без актерской манерности, но и без нарочитой мужественности. Точно зверь, который двигается естественно, не думая о том, какое производит впечатление на окружающих. Или у Луки это была высшая степень актерского мастерства, когда самого мастерства и не заметно, когда игра – уже в крови?

И вот такой мужчина рядом. Они вдвоем. Судьба, случай?

– Итак, про мои взгляды на жизнь. Чем они тебя удивили? – хитро спросила Зоя.

– Очень рациональные. Например, помогать людям только в крайнем случае, да и то чтобы совесть потом не замучила. Редко кто способен в таком признаться! Обычно все строят из себя благородных, альтруистов, – заметил Лука и спросил: – А как же друзья? К друзьям ты предъявляешь столь же строгие требования?

– Да, – согласилась Зоя. – У меня даже целая теория на этот счет.

– Расскажи!

– А что тут рассказывать... – пожала плечами Зоя. – Я, если честно, думаю, что настоящей дружбы почти не существует. Так, потребительство. Друга обычно воспринимают как скорую помощь, МЧС, возможность получить банковские услуги без процентов...

– А что в этом плохого? – возразил Лука.

– Все это можно получить без проблем – не от друга, а от соответствующих служб. Дело в процентах! И в лени, – подняла палец Зоя. – Люди за копейку удавятся. И шевелиться тоже неохота... Проще свои проблемы на друга навесить – выручай, мол. Раньше, кстати, дружба имела смысл, когда не существовало всех этих прелестей цивилизации и приходилось выживать. Тогда без дружбы, без взаимной помощи – никак! На своем горбу тащили другу мебель по лестнице на последний этаж, срывая спину; возили друга по городу на

собственном авто, не жалея времени и бензина; останавливались у друга в соседнем городе, напрягая и друга, и всех его домашних затянувшимся визитом... А сейчас и грузчики, и таксисты, и гостиницы – все есть! Только жадина нынче эксплуатирует друзей...

– То есть ты полностью отрицаешь дружбу в современном мире?

– Нет. Я за то, чтобы дружба была без налета потребительства. Деньги нужны – иди в банк, бери кредит, тем более что сейчас это легко сделать. А, проценты высокие? А то, что друг потеряет в деньгах, которые сожрет инфляция – это нормально? Неприлично в наше время брать у друга сто тысяч на полгода без процентов. Обещай сверху десять процентов, например.

– Гм. Тут я соглашусь, пожалуй, – Лука снова подлил коньяка в рюмки. – Но дружба – это еще и общность интересов... Что может быть лучше дружеской беседы? Кто, как не друг, поддержит в трудную минуту? Морально, я имею в виду.

– Ага. Прямо. Я против того, чтобы взваливать на себя проблемы своей подруги. Пусть идет к психотерапевту. Не надо экономить, вываливая на меня, например, свои горести. У меня и без того проблем хватает. Поболтать, посплетничать «за жизнь» – ради бога, но годами выслушивать чужие проблемы, позволять сваливать в себя чужой душевный мусор, быть скорой психологической помощью...

– Но что тогда может связывать людей? – удивился Лука.

– Общение само по себе. Как приятно поговорить с умным, близким тебе человеком, не грузя его при этом своими проблемами и не выслушивая чужие...

– Ты страшный человек, Зоя, – то ли шутя, то ли всерьез заявил Лука. – Не хотел бы я быть твоим другом, уж извини. А... если друг болен, например? Ты его хоть навестишь?

– Если он заразен – нет, – жестко ответила Зоя. – Да и какой сволочью надо быть, чтобы, гриппуя, например, звать к себе друга... Болен – сиди себе дома один, пей лекарства. Сильно болен – ложись в больницу. Нет, если у друга есть связи, знакомства с хорошими врачами – тогда надо помочь, но не горшки же из-под больного выносить...

– А любовь? – вдруг спросил Лука. – У тебя есть муж, возлюбленный, Зоя? Извини, наверное, я не имею права...

– Нет, ничего. Нет у меня ни мужа, ни возлюбленного, – надменно ответила она. – Но в отношениях, в браке – совсем иначе, чем в дружбе. Другие законы! – торопливо добавила она.

– Даже боюсь спросить, что ты думаешь о любви, – пожал плечами, сказал Лука.

Кажется, она перегнула палку, отпугнула его своей жесткостью.

За окнами тем временем совсем стемнело.

– Идем, я покажу тебе твою комнату, – несчастная, недовольная собой сказала Зоя.

– Идем.

Она повела его по лестнице на второй этаж.

– Вот... – распахнула дверь в гостевую комнату. – Тут все есть. Постельное белье уже постелено, чистое. Напротив – туалет с ванной.

– Отлично. У тебя прекрасный дом, Зоя.

– Да? Спасибо.

– Одно плохо – его хозяйка выглядит совсем невеселой, – Лука вдруг взял ее за руку, притянул к себе. – Столько принципов и правил, а счастья – нет.

– Откуда ты знаешь, что счастья нет?! – возмутилась Зоя, но Лука в этот момент прижался к ее губам с поцелуем.

Значит, все-таки получилось... На одну ночь этот красавец – ее? Хотя, если быть до конца перед собой честной, в последнее мгновение перед тем, как ответить на поцелуй Луки, Зоя хотела его оттолкнуть. Машинально, по привычке. Просто потому, что крепко сидело в сознании – неправильно, глупо, неприлично затевать интрижку с первым встречным в первые же часы знакомства.

Но Зоя, всю жизнь отрицавшая неразумные поступки, с трудом переломила себя и все-таки нашла в себе силы не оттолкнуть Луку. Лишь вздрогнула всем телом, подняла руки и... обняла мужчину, стоявшего перед ней.

Потому что слишком долго была одна. Потому что, оказывается, трудно противиться обаянию красивого мужчины. Хоть и принято считать, что красота для мужчины не глав-

ное, но, боже мой, какое это счастье – прикоснуться к красивому. Невозможно, невозможно противиться Красоте, нельзя ею не восхищаться – если еще живая, еще способна радоваться малиновому рассвету, ясному ночному небу, плеску морских волн, ветру, заплутавшему в молодой майской листве... и красивому мужскому телу. Ведь все это – сама природа. Диво дивное, бескорыстный дар свыше.

Дар, подарок. Всего на одну ночь. На несколько часов. Но и то хорошо! Кто надеется провести всю жизнь в сплошном счастье, не способен ценить яркие мгновения.

А Зоя – была способна. Вернее, она заставила себя, поскольку на долгую счастливую жизнь с прекрасным мужем уже не рассчитывала.

Она обнимала Луку во время поцелуя и чувствовала под рубашкой его тело – все мышцы, поименно (а как иначе, она скульптор, наизусть названия мышц знала), чувствовала их объем и пропорции, то, как они перекачиваются под кожей, их гладкую, звонкую твердость.

Лука перехватил Зою, прижал ее к себе сильнее. В этот момент она приоткрыла глаза и увидела его лицо – близко, совсем близко. Широкие брови, сомкнутые ресницы, абрис скул... Красивое мужское лицо.

Лука чуть отстранил Зою, быстро, ловко снял с нее свитер, затем жестом фокусника стянул с нее джинсы и бросил в сторону. Туда же полетело и Зоино белье.

Она стояла перед ним обнаженная и старалась заглушить

в себе стыд. Уж она-то не столь совершенна, как ее партнер... Не толстая – и на том спасибо.

Наверное, надо было ей раздеть Луку, но Зоя, неискушенная, замешкалась. Тот сам скинул с себя одежду, как-то незаметно ловко и быстро.

Там, под одеждой, ничего нового для Зои не пряталось – она знала, каким окажется тело Луки. Вообще, это была ее дурацкая особенность – видеть людей голыми, без одежды. Опять же, профессиональное... Но все равно она восхитилась.

Прекрасен, как бог.

Опять поцелуи, сплетение рук... Лука подхватил Зою, чуть подтолкнул вверх, назад... Она не заметила, как оказалась на кровати, Лука склонился над ней.

– Послушай, а... а как же... – в последний момент спохватилась она.

– Да, я знаю, – между пальцев Луки зашуршал квадратик фольги. Точно, он – фокусник!

Прелюдия не длилась слишком долго, поскольку и Зоя, и Лука хорошо знали, чего хотят.

Стиснув зубы, чуть приоткрыв глаза, Зоя наблюдала за Лукой. Как тот разорвал фольгу, как сделал все необходимое, опустил к ней.

Она вздохнула нетерпеливо и сразу, с первых мгновений, почувствовала себя наконец счастливой. Такой же восторг, такое же изумление – неужели получилось?! Словно Зоя вы-

играла в лотерею миллион. Миллион долларов, конечно.

* * *

Она с первого мгновения напомнила ему кошку, которая жила когда-то у деда при столярной мастерской.

У той кошки была темно-темно-серая, синевато-пепельная, шерсть. И белые маленькие носочки на лапках, и белые усы, и белые волоски над серо-голубыми глазами, и маленькое белое пятнышко на лбу.

Конечно, у Зои никаких белых усов и пятен не наблюдалось, но волосы своим оттенком напомнили вдруг Луке масть дедовой кошки. Они, довольно длинные, небрежно сплетенные в косу, перекинутую на плечо, имели как раз тот густо-сине-серый, пепельный, сизый оттенок, что и шерсть дедовой кошки. А отдельные тонкие белые прядки в косе Зои – начинающейся седины – довершали цепочку ассоциаций.

Да! Глаза у Зои тоже какие-то серовато-голубые или светло-голубые...

Не рано ли она сесть начала? И почему не красится?

Но, надо признать, лицо Зои при этом выглядело совсем юным, без единой морщинки. Лицо школьной скромницы, ябеды, сплетницы, отличницы, вредины.

Сама Зоя – высокая, с довольно широкими плечами, а ноги как у спортсменки, занимающейся конькобежным спор-

том – длинные, мощные.

Одета – в мешковатые джинсы, сверху – растянутый тонкий свитер бежевого цвета. Оно, конечно, понятно, что это домашняя одежда... Но все-таки дома женщина тоже должна выглядеть роскошно!

И зовут ее как-то... старомодно. Конечно, и у Луки имя не самое современное, да и мода сейчас на старину, но имя хозяйки дома отчетливо отдавало нафталином, рыбьим жиром, подгорелыми котлетами... коммунальной кухней 30-х годов двадцатого века! Когда этих Зоек, Раек и Клавок несть числа – рабфаковок в красных косынках и пролетарских матрон – толпилось возле примусов...

Не понравилась. Совсем не понравилась.

Она и не должна была нравиться Луке, эта незнакомая женщина, но Зоя как-то *особо* ему не понравилась.

Тем более после того, как он почти два часа замерзал под ее воротами.

У таких людей, как Зоя, говорят, зимой снега не выпросишь. Жадная, подозрительная. Неприятные качества, особенно в женщине. И только когда Лука уже начал концы отдавать на морозе, в снегу, в заледеневшем авто – только тогда соизволила его впустить.

И дом ее – основательный, большой, крепкий, добротный, откровенно очень недешевый, но совершенно неизящный – тоже не понравился Луке. Это не дом – это конюшня, манеж.

Хозяйка дома явно не обрадовалась незваному гостю. Да,

потом, убедившись, что Лука – не разбойник с улицы, Зоя повела себя более-менее приветливо, но все равно какой-то неприятный осадок от общения с ней...

Когда они разговорились под коньяк, выяснилось, что у Зои к тому же какие-то деревенские, куркульские жизненные принципы. Тоже из серии – моя хата с краю, ничего не знаю. И – своя рубашка ближе к телу. Дружба дружбой, а табачок врозь – вот еще... Она потом это все подробно расписала, взгляды свои, особенно о своем отношении к дружбе.

Наверное, потому она одна, никто с ней не может ужиться.

Вот люди странные. Живут, не желая меняться, расти – словно в коконе своих принципов – несчастные, упрямые, зато на своих позициях! Она ведь явно не особо счастливая, эта Зоя, ведь глаза – все те же кошачьи, недоверчивые. Приглядывается, принимает к чужаку, все подвоха ждет...

«Да не будет тебе подвоха, нет! Я не злодей, не маньяк, неужели ты не видишь, я обычный человек!» – усмехаясь, думал Лука, беседуя с хозяйкой дома.

Но во время общения все же произошло нечто странное... В какой момент? Вроде это случилось после того, как Зоя стала рассказывать о себе.

И дело не в том, что у хозяйки интересная профессия, нет. Ну скульптор и скульптор, хотя, конечно, Лука и поудивлялся для виду, когда Зоя ему рассказала о том, чем занимается. Сейчас полно творческих людей, причем без полового разделения, как раньше. Архитекторы, дизайнеры... куз-

нецы (кованые штучки – вещь модная), гончары, чего еще там... Оружейники! Да, есть те, кто в собственной мастерской кинжалы, ножи роскошные кует – и женщины, совсем юные девушки в том числе. Ювелиров полно, ткущих из золота и драгоценных камней причудливые узоры...

Словом, нет ничего удивительного в том, что человек занимается этим – творчеством, ремеслом ли...

Лука и работам Зои не особо удивился, когда попал в ее мастерскую. Обычные скульптуры – мужчины, женщины, головы на постаментах, еще какие-то причудливые композиции... А что еще должно быть в мастерской ваятеля?

Странное случилось тогда, когда Зоя сдернула покрывало с одного монумента. Черный камень. Женщина какая-то с книжкой на коленях на скамейке сидит, вверх поглядывает, мечтательно так, словно живая, хоть и из черного камня.

А потом Зоя сказала, что это – надгробие...

Да и в надгробии ничего удивительного нет, кстати. Ну делает кто-то надгробные скульптуры, чего там. Такой уж заработок себе человек выбрал, бывает.

Странное, жуткое заключалось в том, что женщина из камня выглядела *живой*. Какая-то мистика, магия даже... Брр!

Пожалуй, именно этот момент и поразил Луку больше всего в тот вечер. Точно-точно. Потом уже Зоя про дружбу стала рассказывать и прочее...

А Лука сидел, точно пришибленный, и все ту скульпту-

ру из черного камня вспоминал. Вот что она умеет, эта Зоя, оказывается... Оживлять черный камень! Колдунья, не иначе. Хотя нет, глупости это, про колдовство думать. Просто она профессионал. Ее есть за что уважать. Мало кто в наши дни умеет дело делать...

Потом Зоя повела Луку в гостевую комнату.

А у него в голове все вертелись события сегодняшнего дня, точно в калейдоскопе (наверное, и коньяк еще поспособствовал).

Странная эта женщина, Зоя. Женщина-загадка. Неприятная, но умеющая удивить, надо признать. И как ей, блин, не страшно заниматься всем этим... На ней как-то рано ставить клеймо безнадежности. Лука именно так оценивал слабый пол – женщина или не женщина перед ним? Если «женщина», то она уже интересна ему как мужчине. Надо попробовать затем, вот как конфетку, еще начинку выковырнуть – вкусно, невкусно? Если перед ним «не женщина», то и обертку разворачивать неинтересно.

У Луки были сложные, строгие требования к женщинам. Он смотрел на внешность, на то, как женщина двигается, как говорит, на то, как одевается, ведет общение... Очень много требований. Иногда вроде все к месту, а начинаешь дальнейшее исследование данной особы, разворачиваешь обертку, смакуешь языком сердцевинку – а там нечто несъедобное. Например, вдруг оказывается, что женщиной движет «самочья» сущность – она хочет замуж и детей, и все тут. При этом

красива, совершенна, упакована правильно... Но это же так скучно! Мужчине хочется игры, драйва, безумных страстей – а тетка перед тобой просто мечтает о замужестве. Тьфу.

Или вдруг после некоторого времени вылезают у подружки какие-нибудь комплексы, желание подстроить под себя, требовательность, властность неприятная... такую особу – тоже вон.

У Зои что там внутри – пока еще непонятно. Вроде «не женщина», но... Или стоит пойти дальше, исследовать?

Обо всем этом размышлял Лука, стоя в гостевой комнате перед Зоей, вспоминая наиболее яркие моменты этого вечера. И ему до ужаса хотелось «развернуть обертку». Глупое любопытство. И страшно, и интересно. Настолько интересно (подобных экземпляров, как эта Зоя, у Луки еще не было), что он притянул женщину к себе.

Поцеловал.

Луку никогда не отталкивали, вернее, женщины никогда не отталкивали его всерьез. Вот и Зоя – не стала исключением. Только вздрогнула и... ответила на его поцелуй.

Она ничем не пахла, у нее не было вкуса. Это вода. Просто вода. Речная вода. Что за женщина, которая не признает даже духов... Нет, конечно, это ужасно, когда некоторые дамы выливают на себя полфлакона духов, но вот когда совсем ничего, когда даже дезодорант (хороший наверняка, поскольку ни малейшего намека на пот) – абсолютно без запаха... Тоже неправильно. Ведь это же здорово, когда на коже – капелька

духов – аромат едва уловимый, но нежный, волнующий...

Белье у Зои тоже оказалось ужасным. Белого цвета трусы и бюстгальтер, простые, без кружев и прочего декора, самого скучного фасона. Тоже явно недешевые, качественные вещи, но, блин, женщины... Надо уважать мужчин, надо всегда быть во всеоружии, как же без красивого, эротичного белья!

Белая кожа. Очень белая, даже слишком. Солярий, конечно, вреден, но чуть-чуть солнечных ванн этой коже не помешало бы. Плечи ничего, грудь прекрасна, талия есть, живота нет, ничего не висит... Ноги. Вот с ногами непонятно. Слишком развиты бедра и икры. Ноги грубоваты.

Блин. Педикюра нет! То есть ступни в хорошем состоянии, пятки гладкие и розовые, форма ногтей ничего так, но... где лак на ногтях, пусть бесцветный? И это женщина?!

Тем не менее остановиться Лука уже не мог. Ладно, как-нибудь. Неудобно перед человеком. И, в общем, не такая уж она уродина... Просто не в его вкусе. Дался ему этот лак, кружева... Ладно! Только ни к чему затягивать. Пусть быстрее все закончится. Просто и быстро, тем более что этой Зое, кажется, особые изыски не нужны.

Лука сосредоточился только на своих ощущениях, он думал о себе. И очень удивился, когда к победному финалу они подошли вместе с Зоей.

Ну и хорошо.

Завтра он уедет и забудет об этой женщине.

Окно. Рамы распахнуты, белые занавески весело треплет летний ветер – словно щенок играет с тряпкой. Солнце. Банка на широком подоконнике. Обычная стеклянная банка с водой, трехлитровая («трюлик» – так говорила когда-то мама), отражает свет. Цветы в банке – букет из васильков, маков, еще каких-то – луговых, простых...

Надо скорее встать. Там, за окном – солнце и счастье. И цветы. И небо. Надо скорее... нельзя упустить ни минуты этого чудесного дня...

Любовь. Сердце наполнено любовью.

«Я тебя люблю. Я все для тебя сделаю. Если ты умрешь – я умру с тобой. Ты мой воздух, ты мое солнце, ты моя жизнь. Только ты!»

Там, у окна, ее любимый. Это он пришел, принес цветы и теперь стоит возле окна, ждет, когда она проснется. Надо скорее встать, надо обнять его. Нельзя, нельзя терять ни минуты этого чудесного дня, надо каждое мгновение разделить с ним, с любимым...

Глазам горячо, щекам.

Зоя застонала, потянулась и, сев уже в кровати, поняла – все это был только сон.

За окном – холодный, серый и вместе с тем пронзительно-яркий зимний свет. Значит, позднее утро. Она почему-то

в гостевой спальне.

И вдруг – вспомнила!

Что вчера было-то...

Быстро оглянулась, рядом – никого. «Приснилось, что ли?» – испугалась Зоя и зачем-то потрогала вторую подушку. Вытерла уголком одеяла щеки.

– Дура, – вслух произнесла она. – Что же я наделала? Что на меня нашло? Ой, мама...

Она упала назад, закрылась с головой одеялом.

Где Лука и почему он исчез, Зою интересовало мало. Ее в данный момент волновало – что о ней подумают Сивохины? Почему-то перед прислугой было невыносимо стыдно.

Зое вдруг стало настолько тошно, что она решила не вставать, притвориться больной. Никуда не ходить, ничего не делать – и, быть может, через пару дней забудется, рассосется все, пройдет...

Скрип двери.

Зоя с бешено бьющимся сердцем откинула одеяло с лица.

На пороге стоял Лука, уже одетый.

– Привет... ты проснулась? – произнес он своим бархатным голосом. – Машину мою только что увезли.

– Да? – кисло сказала Зоя. – Значит, снег расчистили уже... Лука, вот что. Попроси Василия Петровича, чтобы он тебя к станции отвез. Да... Была рада знакомству.

Она заставила себя договорить фразу и опять юркнула под одеяло, отвернулась.

Пауза. Чего он не уходит?

– Ты не встанешь, не проводишь меня? – спросил.

– Я что-то неважно себя чувствую. Ты иди, все в порядке, – промямлила Зоя.

Но, вместо того чтобы уйти, Лука зачем-то подошел к кровати, сел, оттянул одеяло. «Господи, какой он красивый...» – встретившись с ним взглядом, машинально подумала Зоя.

– Что с тобой, Зоя?

– У меня нервы, – не выдержав, мрачно призналась она.

– Отчего?

– Оттого что Сивохины будут теперь не пойми что обо мне думать.

– Тебе не все равно, что о тебе будет думать твоя прислуга? – спокойно спросил Лука. – Нормальные они люди, кстати!

Зоя молчала.

Он потянул на себя одеяло.

– Что ты делаешь? – занервничала она.

– Что *ты* делаешь... – он откинул одеяло и принялся разглядывать Зою. Она уперла в его бок свою ногу, собираясь столкнуть с кровати. – Зачем сопротивляться? Поздно, Зоя, терять уже нечего. И чего ты стесняешься? Ты интересная женщина... Ты себя совсем не любишь?

– Дай я... я хотя бы умоюсь, что ли, – мрачно произнесла она.

– Ты ничем не пахнешь, удивительно, – сказал он, накло-

нившись к ней. Расстегнул на себе рубашку. Ах, ну да, мужчины же не могут без утреннего секса...

Он заставил ее повернуться, провел ладонью по бедру. Потом опять заставил повернуться, разглядывая.

«А чем я, собственно, недовольна? Я этого тоже хочу...» – Зоя сама не заметила, как оказалась уже в полной власти Луки и теперь послушно вертелась в его руках, ровно так, как он приказывал. В холодном, ярком свете, льющемся из окна, тело мужчины казалось высеченным из мрамора.

А именно – из паросского мрамора. Это единственный мрамор, который в древности добывали в каменоломнях при искусственном освещении, при лампадах. Другое название камня – «лихнит» (Lichnites). Это мрамор не чисто-белого цвета. Он имеет легкий желтоватый оттенок и просвечивает в глубину, причем довольно глубоко, сантиметра на три. Паросский мрамор отличается нежным, бархатистым блеском. Если подобный камень хорошенько обработать, то он благодаря просвечиванию как бы теряет свою материальность, и скульптуры, созданные из него, обладают почти мистической красотой...

– Теперь вот так. Не бойся.

– Ой, нет.

– Да. Не двигайся. Теперь вот так...

– Да... – в полубомороке прошептала Зоя.

...Очнулась Зоя не сразу, ошеломленная. Оказывается, о подобных любовных экзерсисах она даже в теории не знала.

Поэтому, очнувшись, засомневалась – опять ли сожалеть ей, мучиться совестью или же радоваться. Собственно, а почему не порадоваться-то?! Раз уж упала на самое дно, о чем сожалеть?.. И ведь сама, добровольно туда рухнула, никто ее не принуждал!

«Получается, я ему нравлюсь. Я еще женщина. Я еще ничего. Я как-то котируюсь... Но у нас ничего не будет. Это просто одна ночь, один день. Будущего у нас с Лукой нет».

– Что скажешь? – шепотом спросил Лука.

– У меня нет слов.

– Тебе стыдно?

– Очень! – с горячностью воскликнула она и рассмеялась – в один голос с Лукой.

– Можешь теперь дальше лежать, притворяться больной.

– Нет, нет... Я совсем забыла. У меня сегодня два дела в городе. Надо собираться.

– Минутку. Ты в Москву? Поехали вместе?

Пауза длилась всего лишь несколько мгновений. Потом Зоя сказала как ни в чем не бывало:

– А что, поехали. Какая разница – на электричке тебе в город добираться или со мной.

Зоя приняла душ, уложила волосы. Потом они вместе с Лукой позавтракали – свежими, еще теплыми сырниками, приготовленными Елизаветой Остаповной. Все-таки она деликатная женщина, Сивохина, – оставила завтрак на кухне, не лезет на глаза. Она все понимает, она тоже живая, она ни-

какая не сплетница, нормальная тетка, Лука прав. И все вообще нормально!

Внутри – легко, пусто как-то. Но это приятная пустота. Когда нет лишнего, когда ничего не давит на сердце... Пусто и спокойно.

– А ты хорошо выглядишь, – одобрительно произнес Лука, когда они уже стояли в прихожей, перед большим зеркалом.

Зое вдруг стало немного не по себе – они сейчас выглядели *парой*. Лощеный красавчик Лука, и она – в темно-синем трикотажном платье, высоких темно-коричневых сапогах, напоминающих краги для верховой езды, бежевом пальто, с золотистым шарфиком на шее. Синее и все оттенки коричневого – любимые цвета. Волосы небрежно заплетены в косу, переброшенную на грудь – это, кстати, любимая прическа Зои. Просто и со вкусом, кажется. Стильная европейская женщина...

– Сколько тебе лет, если не секрет? – спросила Зоя, разглядывая отражение Луки.

– Я мужчина в полном расцвете сил... – иронично усмехнулся он. И произнес, чуть кривя губы, со скрытой горечью: – Мне ровно сорок, Зоя. Но я тебя не собираюсь спрашивать о твоём возрасте...

– А я не собираюсь скрывать, – пожала она плечами. – Мне тридцать шесть.

– Да ты девчонка совсем.

– И не говори!

И они опять рассмеялись одновременно.

– Сюда... Тут вход в гараж.

Когда выезжали через ворота на улицу, в окне гостевого домика появился Сивохин и приветливо помахал им рукой. Лука помахал в ответ, невозмутимое лицо Василия Петровича расплылось в улыбке... Боже, да он всех тут очаровал, этот Лука! Человек-праздник... Нет, достойная Елизавета Остаповна не будет злорадно перемывать косточки развратницы Зои. Скорее, она станет горячо обсуждать со своим мужем, что у их хозяйки появился ухажер, и это хорошо, ибо негоже одной женщине жить все время...

Метель давно затихла, и теперь темно-серое небо нависало низко, облака были отчетливо видны. Яркий, и одновременно мрачный какой-то, зимний свет – от обилия снега во круг, что ли?..

– У тебя хорошая машина. И водишь ты прекрасно... – заметил Лука. – Можно даже чуть быстрее. Нет, нет, вот тут сбрось скорость... А теперь прибавь.

Они немного поговорили о машинах, о том, каково это – ездить по Москве, и о дорогах Подмосковья.

– А там, в городе, куда тебя? – спросила Зоя.

– Куда? Слушай, я сегодня совершенно свободен. Если хочешь, я с тобой. Если я никак не нарушу твои планы, конечно...

Сердце у Зои забилося быстрее, от волнения она чуть не

выпустила руль. Лука не собирается с ней расставаться? Она настолько ему понравилась?

Это чудо. В это невозможно поверить. Сидела-сидела в четырех стенах, в своей глуши, а принц сам свалился на голову? Пожалуй, если Зоя и мечтала о мужчине, то именно о таком, как Лука... И вроде бы Новый год давно прошел, да и по возрасту смешно ждать уже подарков от доброго Дедушки Мороза...

– Я сейчас к одной женщине. Заказчице. Именно для нее я делала ту скульптуру. Вернее, для надгробия ее покойной сестры. Мы с заказчицей обсудим некоторые моменты. Недолго. Ты вполне можешь присутствовать – там, в общем, чисто технические моменты, о сроках установки памятника... А потом меня ждут в гостях. Идем? Там весело будет.

– Гм. С корабля на бал... Вот насчет гостей я сомневаюсь. Неудобно, – покачал головой Лука.

– В эти гости – можно, – усмехнулась Зоя. – Это и не «в гости сходить» даже, а... Это салон. Если ты помнишь роман «Война и мир»...

– Салон Анны Павловны Шерер? – Лука засмеялся.

– Ну да. Хозяйка салона – Лена Болконская. Художница, но в основном антиквариатом занимается. И народ тоже – люди искусства. Тебе будут только рады. Там все свободно, говорю, – повторила Зоя. – Единственное, я не знаю, как тебя представить.

– Представь меня как друга.

– Хорош друг... – с непередаваемой интонацией произнесла Зоя, и они опять захохотали.

– А, ну да, я помню. Помню твои принципы... Друг – это распоследняя сволочь...

Они шутили, смеялись.

Зоя не ожидала, что и общаться с Лукой будет так легко. Обычно после ночи случайные любовники разбегаются... а этот мужчина и не думал убегать. «А если он – альфонс? Аферист? – вдруг подумала Зоя. – Хочет втереться мне в доверие, а потом – жить за мой счет. Ну и пусть он актер, пусть у него машина дорогая... Это ничего не значит. Это – для того, чтобы пускать пыль в глаза! Хотя с другой стороны... Почему я так не верю в себя, почему подозреваю во всем подвох? Я что, не достойна того, чтобы в меня влюбился красивый мужчина?»

Зоя думала об этом, о том, что ее спутник может оказаться проходимцем, но тем не менее не волновалась. Ибо, при всей своей вере в чудо, была человеком здравого ума, и при малейшем намеке на то, что Лука – альфонс, она бы изгнала его из своей жизни.

За Болконскую и ее гостей Зоя тоже не волновалась. Уж там люди ушлые, насквозь каждого видят. Не позволят себя вокруг пальца обвести. Ну, а кто захочет осознанно – пожалуйста. Вот та же Лена... Пожалуй, для Луки, если он альфонс, Лена с ее капиталом, заработанном на антиквариате, даже интереснее... «Только Луке придется изрядно потру-

даться, за каждую копейку придется отдуваться, если он попадет в лапки Лены!»

Зоя почти с ненавистью думала о своей приятельнице Болконской. Но потом, искоса взглянув на Луку, перевела дыхание.

Нет, Лука никак не тянул на альфонса-афериста. Слишком свободный, слишком спокойный мужчина. И достаточно известный. Либо альфонс, либо актер. Лука – актер!

Зою немного отпустило. «Все-таки я чокнутая. У меня паранойя! А этого Луку можно по базе пробить, или как там это называется... Сейчас о любом доступны сведения! Это на всякий случай...»

Москва встретила новоявленных любовников пробками. Зоя с трудом втиснула свое авто на стоянку неподалеку от метро «Профсоюзная»...

Зою уже ждали. Та представила Луку как своего помощника, но заказчица никак не отреагировала.

Бедная женщина то и дело вздыхала, прижимала платок к глазам и говорила о том, какой замечательной была ее покойная сестра и насколько точно Зоя изобразила покойницу в камне. Словом, пустая лирика. Зоя взяла инициативу в свои руки, договорилась о сроках установки монумента, о том, как это будет происходить. Заказчица только кивала, вытирая слезы.

Через полчаса Зоя с Лукой уже вновь катили по Ленинскому проспекту.

Лука выглядел напряженным – видимо, разговор с Зоинной клиенткой не показался ему слишком приятным.

– Конечно, актерам тоже приходится играть горе... Но это игра. А вот видеть смерть и слезы близких... Как это все тяжело... – наконец произнес он. – Послушай, я бы не смог заниматься тем, что делаешь ты. Столько сил надо, нервов... Это ведь стресс – общаться с человеком, который в горе, принимать на себя его боль.

– Зато это хорошие деньги, – возразила Зоя. – Ты даже не представляешь, сколько она мне заплатила.

Краем глаза она наблюдала за Лукой – как тот отреагирует на эту информацию. Но Лука только поморщился.

...Лена Болконская оказалась буквально сражена, когда на пороге ее квартиры возникла Зоя под ручку с Лукой.

Конечно, Лена умела себя держать в руках, но все же хозяйка пресловутого «салона» на миг потеряла дар речи. Зоя – не одна? Да еще с красивым мужчиной?!

Зоя ничуть не солгала, когда сказала Луке, что в гости к Лене можно явиться запросто: Лена да и та публика, что собиралась у нее, ханжеством не страдали. Эти люди знали друг друга давно, живо интересовались подробностями личной жизни каждого. Они же тут – единомышленники, почти родственники. Не чужие!

Другой вопрос – а готов ли бесстрашный визитер к тому, что его спутника (или спутницу) разберут потом по косточкам и вынесут свой вердикт? Поэтому большой риск афиши-

ровать свои связи в салоне Лены, а ну как твой выбор осмеют...

Но Зоя в данном случае сознательно шла на риск. Лука – тот мужчина, которым можно и нужно гордиться. Она только повысит свой рейтинг, появившись у Лены в обществе Луки! И не важно, что, может быть, Лука здесь не появится во второй раз, что у них не будет с Зоей никакого будущего, что этот мужчина – всего лишь любовник на одну ночь... Зато какой!

Не то чтобы Зоя стремилась доказать свою состоятельность как женщина, нет, но надо было заткнуть рот Лене и прочим, кто в глаза и за глаза охал о Зоинем одиночестве... Вот пусть теперь знают, что Зоя – не одна, что у нее есть личная жизнь.

Конечно, это детский сад – будучи разумным и зрелым человеком, доказывать окружающим свою состоятельность и наличие личной жизни, но что поделать, любили в их компании посплетничать...

Лена – неплохая женщина, душевная, что называется. Да, любит во все свой нос сунуть, держать все под контролем, быть в курсе... Она для того и держит свой «салон», чтобы наблюдать и выведывать. Зачем? Для какой выгоды? А ни для какой. Лена Болконская никаких бонусов для себя не имела, узнав, например, что художник Р. завел молоденькую любовницу, а скульпторша К. встречается с артистом, или что галеристка П. поссорилась со своим спонсором... Быть

в гуще жизни – вот что главное для Лены.

Ну смотрят же миллионы зрителей ток-шоу о судьбах и перипетиях жизни других людей, с горячим интересом, бурно обсуждают потом подробности этой жизни на всяких форумах или со знакомыми старушками на лавочке... Вот и Лене примерно для того и был нужен ее «салон». Для ощущения полноты *собственной* жизни.

Да, Лена – сплетница. Но она и человек душевный, всегда готова подсказать, помочь – связями своими ли, сведениями ли... Собственно, об этом Зоя намекнула Луке заранее.

– ...Лена, познакомься, это Лука, мой друг. Актер, снимается в кино, ты наверняка его видела... Лука, это Лена – замечательная художница, антиквар, тонкий ценитель искусства.

– В кино? – захлопала накладными ресницами Лена, не сразу придя в себя. Ах, эта Лена – сзади пионерка, спереди пенсионерка... Лука поцеловал её руку. – А я смотрю, что-то лицо знакомое... Прошу, очень рада. Лука, почувствуй себя как дома! Сюда, пожалуйста. Девчонки и мальчишки, к нам звезда телеэкрана! Прошу любить и жаловать! – крикнула она.

Лука прошел в залу – там как раз собралась вся «салонная» компания.

Зоя же с Леной задержались в прихожей.

– Красивый мужчина, – шепотом, многозначительно произнесла Лена. – У тебя отличный вкус, Зоенька. У вас все

серьезно?

– Откуда ж я знаю! – улыбнулась Зоя.

– Но ты изменилась, я тебе скажу... Похорошела, расцвела. Да-да-да! Другой человек прямо.

– Кто там у нас сегодня... – Зоя вытянула шею, разглядывая людей, что собрались в зале.

– Все свои.

– Да, но...

– Зойка, да за кого ты меня принимаешь! Полины здесь нет. И не может быть... – возмущенно зашептала Лена. – Я же тебе еще в письме намекнула!

– Ты ее вообще перестала принимать или просто развела нас по времени?

Лицо Болконской моментально вытянулось. И она сказала сухо, довольно сдержанно:

– Зоя, лично я ни с кем не ссорюсь. Если у вас с Полиной трения, то я-то тут при чем?

Зоя опять улыбнулась, но на этот раз неискренне. Да, Лена умела быть жесткой, когда надо... В подобные моменты Зоя ненавидела Болконскую.

Женщины прошли в залу.

В «салоне» Болконской сегодня присутствовали: военный маринист Аркаша Неверов, портретистка Люба Усатова, две подруги – Марго и Мира, занимающиеся изготовлением коллекционных кукол, еще несколько персонажей, что вечно выются вокруг творческих людей... пусть не столь талантлив-

вых, но – за словом в карман не лезущих. Ведь «салон» должен быть прекрасен и безупречен, и интересен, лишние люди в нем не приветствуются.

Здесь пили и не пьянели, здесь спорили, но не скандалили. Здесь было красиво и очень уютно – недаром хозяйка, Лена, обладала художественным вкусом и деньгами одновременно.

Лука, с бокалом мартини в руках, уже болтал с Неверовым. Марго и Мира с живейшим интересом прислушивались к их разговору, а Люба что-то быстро рисовала в большом блокноте, то и дело поглядывая на Луку.

Аркаша Неверов – старый приятель Зои – бородатый, с пузцом, в бархатном пиджаке, мужчина, милый во всех смыслах, но абсолютно ненадежный, с улыбкой подмигнул ей издалека.

– Зоя, вот твой друг, оказывается, ничего не знает о том, как живут художники!

– А как они живут? – Зоя подошла к ним. – По-моему, как и остальные люди. Те же проблемы, радости...

– Не-ет! Хуже художника никто не живет, – радостно возразил Неверов. – Трудовой книжки нет, постоянное безденежье. А если удастся продать какую-нибудь картину, все деньги уходят на покупку холстов и красок.

– Ой, и это говорит человек, который на днях купил новую квартиру! – поморщилась Марго. Мира одобрительно кивнула. Марго с Мирой – обе очень худые, высокие, неопределенного возраста, с длинными шеями, коротко стриженные,

с большими губами – отчего напоминали Зое страусов.

– Какими трудами, Марго, какими трудами... Практически не ел, не пил!

– Ну что ж, у артистов тоже свои проблемы, – весело признался Лука.

– Например?

– Например, актер – одна из самых зависимых профессий. Полностью зависит от режиссера, от прихотей продюсера. Я сам для себя ролей не выбираю!

Зоя взяла с барной стойки стакан с лимонным соком, подошла сзади к Любе, заглянула той за плечо.

Люба, как и предполагала Зоя, рисовала портрет Луки – быстро, четкими штрихами. Люба – хорошенькая «пышка», всегда в кружевах и рюшах, ротик вишенкой и масляные черные глаза, но ее рисунки, в противовес ее внешности, по-мужски точные, без лишних деталей.

– Потрясающее лицо у твоего кавалера, – не оглядываясь, произнесла негромко Люба.

– Он просто мой друг.

– Зоя, не смей меня. Вы любовники? У вас все серьезно?

– Откуда же я знаю...

– Послушай, но любая нормальная женщина чувствует, что к ней испытывает мужчина, какие у него на нее планы.

– Зачем ты спрашиваешь? – вздохнула Зоя.

– Он мне нравится. Я, кажется, видела твоего Луку в каком-то сериале... Играл неплохо, только сериал паршивый,

про ментов и бандитов... но Лука красавчик, да.

Люба всегда отличалась прямоотой.

– И что теперь?

– Красота – это проклятие, – коротко изрекла Люба. – Особенно если красив мужчина. Он никогда не будет счастлив.

– Если дурак, то не будет, да. А Лука совсем не дурак.

К ним подошла Лена Болконская с фарфоровой статуэткой в руках:

– Посмотрите, какая прелесть! Конец девятнадцатого века, кузнецовский фарфор. А купила всего за пять тысяч на барахолке.

– Долларов, евро?

– Смеетесь? Рублей, конечно!

Лена принялась рассказывать о своем походе на барахолку – с юмором, с пикантными подробностями. Зоя одним ухом слушала ее, другим – ловила обрывки разговоров со стороны.

– О, нет, не стоит путать Голливуд с нашей действительностью! – Это Лука.

– Да мы все работаем на заказ! Всегда, во все времена! Свободных художников нет! – Это Люба, как всегда резко. – Заказчиком были либо церковь, государство, либо частные лица...

– За участие в выставках художник ничего не получает, деньги достаются организатором и заказчиком! Вот в про-

шлом году, помнишь, Мира, мы устраивали выставку кукол в галерее... – Это Марго.

– Лучше уж в дизайн пойти, заниматься интерьерами или графикой...

Пили, ели десятками канапе и говорили, говорили, говорили.

Лука, кажется, вполне себе влился в их компанию – к нему прислушивались, его репликам смеялись. На него смотрели. Сама Лена Болконская благодушно любовалась Лукой, словно сокровищем каким.

Это внимание к ее спутнику и злило Зою (ревность?!), и льстило ей. Получается, она поразила всех. Теперь никто за спиной не скажет, что она унылая серая мышка, которой надо срочно устраивать личную жизнь.

«Он никуда не уходит, он то и дело смотрит на меня... А что, если я действительно ему понравилась? Ну почему нет, почему нет!» – думала Зоя.

Она вспоминала подробности проведенной с Лукой ночи, и у нее сжималось все внутри. И ругала себя за то, что посмела сомневаться в своем новом знакомом и подозревала его бог знает в чем...

Лена повела всех в другую комнату смотреть на очередное свое приобретение.

Зоя же отправилась в ванную, плеснула водой на разгоряченные щеки. Хотела выйти и вдруг услышала разговор неподалеку, в коридоре.

– ...а ты думал, я тебя не узнаю? – со смешком спросил Аркаша Неверов кого-то.

– Я ничего не думал, – ответил Лука.

Зоя замерла. Неверов откуда-то тоже знал Луку? Но почему не сказал об этом сразу, прилюдно? Или они про другое, про съемки... Может, Неверов об актерской карьере Луки!

– Это из-за тебя она меня бросила!

– Ну и что, теперь будем морды друг другу бить, что ли, Аркаша?

– Брось... какие морды... – тон у Неверова стал вялым. – Я не из тех. Просто удивляюсь, как ты ее мог променять на Зою...

– Да никто никого не менял! – мрачно произнес Лука. – Глупость, случайность.

– Не менял? А жаль. Я вдруг подумал, что Полина сейчас одна...

Полина! Через Зою словно разряд тока пропустили. Они говорили о Полине, с которой Зоя вусмерть разругалась год назад.

Зоя села на край роскошной ванной из розового камня. Молодая женщина еще ничего не понимала, но ее охватили весьма неприятные предчувствия.

Каким образом они оказались вдруг связанными? Полина (Зоина давняя подруга, а ныне враг номер один) – Лука (красавец-мужчина) – и она, Зоя? И бывший воздыхатель Полины, Аркаша (то, что у Полины с Неверовым был бурный ро-

ман, знали все. Но потом Полина бросила милого бородача, и теперь, кажется, ясно, из-за кого).

Да, бывают в жизни невероятные совпадения, но очень редко. Тогда выходит, что Лука вчера оказался у ворот дома Зои вовсе не случайно!

Ну а как же тогда любовь? Ах, ну ладно, не любовь – секс, пусть, к чему бояться слов... С какой целью Лука занимался сексом с Зоей, если, как выяснилось, является ухажером Полины?

Получается, Лука делал это... с какой-то своей целью?! Но это же... это отвратительно! Зоя закашлялась, едва сдерживая приступ тошноты. Минуту назад она наслаждалась жизнью, радовалась, с восторгом вспоминала моменты близости с Лукой, мечтала о романе с ним, о будущем счастье... А теперь ее, словно от переедания сладкого, безжалостно выворачивало наизнанку.

* * *

Год назад Лука познакомился с Полиной.

Отправился на музыкальный концерт в Дом художника, что на Крымском Валу, но время не рассчитал, оказался на месте за час до начала концерта. И решил пройтись по залам, чтобы убить время. Не в буфете же сидеть, водку пить. Тем более что Лука на днях специально приобрел новое авто в кредит, чтобы бороться с дурной привычкой: новое-то авто

будет жалко разбить по пьяни...

Дом художника – огромный, целых три этажа. Посетителей довольно много. А зрителями в залах – обычно сами художники, присматривают за своими работами и радуются, если найдется покупатель на их творения...

В одном из залов, стены которого были завешаны цветочными натюрмортами, сидела за столиком девушка – настолько хорошенькая, что на натюрморты уже никто не смотрел, все посетители глазели только на нее. И не просто глазели – несколько «любителей прекрасного» мужского полу уже толпились возле ее столика и вели речи об искусстве.

Вот как, какими словами описать то мгновение, когда видишь хорошенькую девушку и понимаешь (не рассудком, сердцем!), что если не добьешься ее внимания, то жизнь не в жизнь будет?

Луку ноги сами понесли к столику, за которым сидела незнакомка. Миниатюрная, необыкновенно изящная, невероятно стильно одетая (во что-то черно-красное), с длинными рыжими волосами, белоснежным, идеально ровным личиком, прозрачными зеленоватыми глазами... Не просто красотка, а настоящий ангел во плоти. Ведь дело-то даже не в правильности черт, а в чем-то таком, неуловимом... Когда хочется смотреть и смотреть, когда перед глазами творится самая настоящая магия, что ли?

Вот такой была Полина Родченко, художница. Настоящей феей, волшебницей. Ангелом.

Лука подошел к рыжеволосой красавице, довольно быстро разогнал толпу вокруг нее. Он умел это делать, умел занять все пространство собой. Да и сама Полина заиграла глазами, заулыбалась навстречу новому знакомому – разумеется, все прочие претенденты на ее благосклонность поняли, что потерпели крах, и разбежались.

Полина оказалась веселой, очень смешливой особой. И смелой, и нежной, и странной одновременно. В нее можно было влюбиться с первого взгляда, а со второго – уже полностью оказаться в ее власти.

Позже выяснилось, что Полина не так уж и юна (а какая разница, Лука и не нуждался в юных и глупых), и, ко всему прочему, у художницы имелось двое детей: мальчишек-двойняшек одиннадцати лет, самого вредного возраста.

Лука всех «детных» особ считал дамами с «прицепом» и, сколько себя помнил, сторонился их. К чему взваливать на себя чужие проблемы? Но в отношении Полины это правило почему-то не работало. Просто удивительно!

Наверное, это высшая степень привлекательности женщины – когда уже не имеет значения, есть ли у нее дети и сколько именно их. Полина была настолько хороша, что даже наличие двоих мальчишек не подействовало на Луку.

Хотя, если честно, мальчишки ему особых проблем не доставили. Детьми целиком и полностью занималась мать Полины – отличная тетка, Галина Гавриловна. А Лука и Полина делали что хотели, никак не привязанные к дому, в котором

эти дети жили.

У них случился безумный, яркий роман.

Страсть, ревность, скандалы, примирения, невероятная нежность и бешеное раздражение... С этой девушкой (а Полина воспринималась именно как девушка, а не женщина) не приходилось скучать.

Лука всяких красоток навиделся, самых разных причудливых «игруний», обаятельных и ярких (ну как же, в актерском мире таких много), но Полине и в подметки никто не годился. У нее был дар – завести мужчину, довести его до крайности, заставить биться в горячке, испытывать невыносимый спектр эмоций.

Именно о такой девушке, как Полина, и вспоминает мужчина перед смертью.

Особой верностью Полина не отличалась. На момент знакомства с Лукой у нее уже имелся поклонник из ее же среды – смешной такой, толстый дядька с бородой. Аркадий. Один раз Луке даже пришлось с ним встретиться – поговорили на повышенных тонах, но дядька на рожон не лез, мужчины расстались почти друзьями.

Еще время от времени какие-то мужики появлялись, самого странного толка, не пойми откуда, из самых разных социальных слоев... Полина особой разницы не видела между миллионером и менеджером – она, словно фокусник, сразу выхватывала из человека его сокровенную суть: жадина, ловкач, плакса, маменькин сынок, лорд, благородный разбой-

ник... Этим Полина напоминала Луке его самого, ведь он тоже привык давать беспристрастную оценку окружающим.

Полина говорила людям прямо в глаза, кто они есть. И эта правда пугала, а иногда – льстила людям, трогала самые сокровенные струны души, баламутила сознание. Ее внимания добивались, ей хотели отомстить, доказать обратное... Словом, вокруг Полины вечно крутились мужики, а Лука их всех разгонял. Сколько раз Луке хотелось убить свою возлюбленную... Да, всерьез – убить. Чтобы никто не смел претендовать на эту чудесную девушку.

Вот, совсем недавно – появился некий Ярик (Ярослав, что ли?), кажется, самый настоящий бандит. Лука его видел пару раз, мельком (тот еще мордovorot!), потом слышал, как Полина разговаривает с этим типом по телефону, задорно хохоча... Вот дурочка, она же рисковала, связавшись с ним! Но нет, страха в Полине не было...

Словом, мучительный и увлекательный роман случился у Луки с Полиной.

Да, что еще важно!

Полина презирала деньги. Всегда в бедности. Она же художница, а у художников – то густо, то пусто. Лука, как мог, помогал ей, хотя Полина деньги тратить совершенно не умела. Отец мальчишек, ее законный муж, кстати, умер несколько лет назад...

Это ее качество – полное отсутствие практичности – умиляло Луку. Вызывало желание заботиться о возлюбленной

и ее семье. После знакомства с Полиной он стал презирать женщин, которые материальный вопрос ставили во главу угла любых отношений.

И теперь, все ближе к дню сегодняшнему. Очень часто, общаясь с Лукой, Полина поминала некую Зою. Эта Зоя, как понял Лука, являлась чем-то вроде черного демона, преследовавшего его возлюбленную.

Зоя распространяла о Полине всяческие сплетни, творила пакости, ну, и прочее... А все потому, как понял Лука, что завидовала Полине, ее красоте и таланту.

Словом, это история Моцарта и Сальери, где Моцарт – это Полина, а Сальери – завистница Зоя.

Женский мир гораздо злее мужского, если подумать. И лучше не вникать в женские распри. Но! Эта Зоя, оказывается, совсем обнаглела – она воровала идеи Полины, сюжеты Полины и прочее из того, что один творческий человек может «позаимствовать» у другого.

Словом, Зоя, по словам Полины, занималась чистой воды плагиатом. Да, пусть обе богемные дивы и работали в разных жанрах (одна с камнем, другая кистью и красками), но идеито можно своровать!

Зоя, насколько понял Лука из объяснений своей подруги, была та еще штучка – готовая на все ради денег.

В один прекрасный день Полина, измученная кознями Зои, предложила Луке вот что – хитростью проникнуть в дом вороватой конкурентки и посмотреть, над чем та рабо-

тает сейчас. И вообще, разузнать, чем именно Зоя занимается, разведать ее планы. Чтобы, по возможности, сделать упреждающий удар.

Лука не собирался никуда хитростью проникать, и сам план ему не понравился. Лишь одно его заставило согласиться – то, что Полина грозилась обратиться к Ярику, тому самому подозрительному типу.

А это нехорошо. Кто его знает, что этот Ярик может отчебучить, какой вред нанести Полине...

И Лука согласился.

Полина разработала хитрый план – как проникнуть к Зое в дом, как там задержаться, чтобы разгадать все Зоины хитрые задумки... «Твоя машина как будто сломана, ее нельзя починить, а на улице мороз... Потом, когда она пустит тебя в дом, все время льсти ей, восхищайся ее творениями (обязательно попроси показать тебе ее мастерскую!). А там – ночь, как не заночевать...» – «Слушай, Поля, ты что, предлагаешь мне переспать с этой чумичкой? И не надейся!» – «Нет, нет, да она и сама испугается, она страшная ханжа. Просто проведи как можно больше времени в ее доме, говори с ней, говори... А потом, когда все разведает, – уйдешь».

Детский сад, конечно. Но Полина – не взрослая, скучная, рассудительная тетка. Раз уж ей взбрело в голову заниматься подобной ерундой, то никакая сила не могла ее остановить...

И Лука взялся за осуществление плана. Поехал в поселок Рушницы...

Правда, был неприятный момент, когда Лука всерьез испугался за свою жизнь, замерзая у ворот этой самой Зои.

Хотя, в общем, все шло по сценарию Полины. Она ведь предупредила:

– Лукашик, ты не надейся, что Зойка тебя сразу пустит в дом. Она очень подозрительная, недоверчивая особа. Будет долго тебя мурыжить... Но ты уж как-нибудь потерпи. Рано или поздно она все равно тебя впустит, потому что побоится, что о ней пойдет плохая слава. Она очень зависит от мнения людей и вряд ли захочет прослыть жестокосердой сволочью, которая не впустила к себе в дом замерзающего человека. Рано или поздно она сдастся, вот увидишь!

...В дом Зои промерзший до костей Лука вошел, ненавидя хозяйку. Будь его воля, он бы мигом все этой чрезмерно подозрительной особе высказал, но нет, надо было терпеть, притворяться. Он же актер!

Кстати, именно профессия сыграла в пользу Луки. И реклама с кошачьим кормом – очень удачно, к месту, появилась на телеэкране... Хозяйка поверила в то, что Лука – во-первых, не разбойник с большой дороги и во-вторых, что он оказался в ее доме *случайно*. А уж после выпитого у Зои и вовсе развязался язык.

Хотя, конечно, то надгробие в мастерской сильно подействовало на Луку. Сильная вещь, нельзя не признать. И он уже не мог просто так ненавидеть Зою. Он хотел ее разгадать. Что она за человек, почему ведет себя так, что можно

ожидать от нее?

Может, Полина беспокоится напрасно?

Или есть шанс подать на Зою в суд за плагиат?

Или с Зоей стоит поговорить как с человеком, усювестить ее?

Вот так получилось, что Лука оказался в одной постели с Зоей. Почти заставив себя. Для блага дела. Он не собирался заниматься любовью с Зоей, но почему-то так получилось. Ведь как иначе мужчина может понять женщину, если не переспав с ней?

Вопросы морали и верности (Полине) его не особо мучили. Если он способен чем-то помочь своей возлюбленной, то измена ей не будет считаться особым грехом. А ревнивица Полина – ничего не узнает. Откуда! Словом, Лука совершил то, от чего с самого начала отрецивался...

Утром, проснувшись, Лука понял – он так и не достиг своей цели. Что там замышляет Зоя, какие пакости – он не разведаль. И про плагиат. Да, он побывал в Зоиней мастерской, видел ее работы, но, разрази его гром, так и не разглядел, где там плагиат! У Полины цветочки на картинах, у Зои – фигуры умерших из камня... За что цепляться-то?

Лука понял, что ему надо еще ненадолго задержаться возле Зои.

...Утром Зоя выглядела как-то иначе. Из-за того, может быть, что унылая домашняя одежда больше не уродовала ее, а распущенные по плечам волосы – молодили женщину? Да-

же Зоина седина не бросалась в глаза и напоминала парикмахерский фокус, это, как его... мелирование.

И ноги ее больше не казались ногами спортсменки. Наоборот, очень секси – сочетание тонкой талии и выпуклых бедер. Лука, разглядывая, изучая Зою, сам не заметил, как завелся.

Все повторилось. Мило, душевно так. Очень понравилось. Да, понравилось – потому что Зоя казалась неопытной в этих делах, пугливой даже... Забавно.

А потом Зоя сама предложила провести с ней день.

Пока добирались в Москву, она то и дело поглядывала на Луку блестящими глазами, машинально облизывала чуть вспухшие розовые губы. Сейчас Лука уже и не знал, как воспринимать ее – то ли как неопытную девушку, то ли как почтенную даму.

Никаких угрызений совести он по-прежнему не чувствовал. Он не считал секс с Зоей за измену Полине. Какая измена?! Любил-то он все равно Полину. И к Полине же собирался вернуться.

А Зоя что... Наверное, если она не совсем дура, то будет потом с благодарностью вспоминать о проведенной с Лукой ночи. Это ведь ей, «серой мышке», считай, подарок судьбы в его лице достался... С Полиной Зоя не общается, о Луке рассказать не сможет.

...Сначала Зоя повезла Луку к заказчице. Ну, той самой, что заказала надгробие для своей покойной сестры.

Брр. Неприятно так близко сталкиваться с горем. Лука даже немного посочувствовал Зое. Она хоть и бравировала тем, что получает за свою работу хорошие деньги, но было видно – самой не по себе.

Хотя Полина права – Зоя больше всего на свете любит деньги, раз согласилась на такое. Зоя – могильщица. Надо от нее подальше находиться, если хочешь сохранить свою психику здоровой.

Лука в тот момент, выходя с Зоей от заказчицы, даже немного пожалел, что решил провести этот день со странной скульпторшей. Но, к счастью, последующий визит к Зоиным коллегам развеселил Луку, и он вновь почувствовал себя в своей тарелке. Богема как-никак царила в «салоне» Зоиной приятельницы.

...И все-таки как любят наши люди, особенно люди искусства, жаловаться на жизнь, на то, что денег не хватает! Лука из разговоров с художниками узнал, как тяжела и скудна их жизнь.

Но он до подобного нытья не стал опускаться.

Наверное, художники эти думали, что Лука, в отличие от них, как сыр в масле катается. Как бы не так! Это звезды первой величины горя не знают, а Лука, обычный сериальный актер, свой кусок хлеба у жизни буквально из рук вырывал. Крутиться приходилось, точно белке в колесе, соглашаться на любые роли, даже самые дурацкие...

Недаром Патрик Суэйзи, ныне покойный, сказал: «Актер-

ская профессия – сродни проституции. Нужно показывать товар лицом, чтобы тебя купили, заводить побольше знакомств с нужными людьми...»

Актер в первую очередь – это интересная внешность, харизма, обаяние, пластика, поставленный голос, образование... Но даже наличие всех этих качеств не гарантирует успешность.

Как без элементарного везения-то... А везение актерское – это когда тебя замечает хороший режиссер и дает тебе пусть не главную, но интересную роль, и ты на следующий день просыпаешься знаменитым, тебя наперебой приглашают сниматься.

Вот Луке еще не повезло. Сорок лет – а все еще не встретил своего режиссера. Если бы не реклама... Лука кормил-ся рекламой. Это хорошие деньги, но, с другой стороны, – режиссеры не любили тех, чьи лица примелькались в рекламе. В общем, заколдованный круг, из которого никак не вырваться...

Но Лука не стал посвящать своих новых знакомых в перипетии актерской жизни. Так, болтал о каких-то пустяках.

Хозяйка дома Лена Болконская – вся такая кроенная-перекроенная пластическими хирургами тетка без возраста. Накладные волосы, накладная грудь, накладные ресницы. Полина о ней говорила как о той еще сплетнице. Полина, кстати, была тоже вхожа в этот «салон», только по другим дням, не совпадающим с визитами Зои.

Да, что интересно... Среди гостей «салона» оказался старый знакомый – Аркадий Неверов, бывший ухажер Полины. Но нормальный мужик, не стал при всех признаваться, что уже встречался с Лукой.

Лишь позже, тет-а-тет спросил:

– А ты думал, я тебя не узнаю?

Посмеялись, поболтали. Видно, Аркадий до сих пор неровно к Полине дышал, раз надеялся возобновить отношения...

Потом Аркадий ушел к гостям, а Лука задержался – хотел вымыть руки, липкие от выплеснувшегося из бокала мартини.

Зашел в ванную и неожиданно наткнулся Зою. Она стояла прямо за дверью, вся бледная, и странно покашливала, прижав руки к груди. Такое впечатление, будто ее судороги какие-то били, что ли? В общем, Лука испугался.

– Зоя, что с тобой? – Он шагнул к ней, подхватил... Ведь упадет сейчас!

– Убери руки... – прерывисто выдавила она из себя. – Я все слышала.

– Что ты слышала? – спросил Лука, хотя уже понял. Он прокололся – Зоя сейчас слышала его разговор с Неверовым.

– Ты... ты все это нарочно. Тебя Полина ко мне подослала, да?

Лука жил по принципу: лучшая дипломатия – это никакой дипломатии. Поэтому, если тебя поймали, надо сразу при-

знаваться. Люди все что угодно могут принять, но только не обман, не то, что ими играют. Ладненько, в таком случае они с Зоей будут играть в открытую.

– Да, – сказал Лука.

– И как ты только согласился... А, понимаю, ты актер, ты должен был хорошо сыграть свою роль... – Зоя попыталась его оттолкнуть.

– А что Полине оставалось делать, – жестко произнес Лука, перейдя из защиты в нападение (тоже неплохая тактика). – Ты же довела ее до ручки, Зоя.

– Я?!

– Ну а кто еще? Ты ее злой демон. Ты ворует у нее сюжеты для своих работ, ты плетешь против нее козни. Вот она и решила узнать, что ты в очередной раз затеваешь.

– Бред. Какой бред... – прошептала Зоя, уже не бледная, а белая какая-то.

Но Лука не испытывал к ней жалости. Так ей и надо. Это ей – за все те мучения, которые она принесла Полине.

* * *

С Полиной Зоя познакомилась в первом классе. Девочки ходили в одну школу. Нет, подругами они стали не сразу, уж слишком были разными.

Зоя – отличница, общественница, любительница всевозможных мероприятий, как то: культпоход всем классом в те-

атр, совместная экскурсия в Подмоскowie, конкурс чтецов... Ей все было интересно, она любила коллектив.

Полина же – полная Зоина противоположность. Все, что связано с коллективом, с общественными мероприятиями, вызывало у девочки отвращение. Индивидуалистка, темная лошадка, себе на уме – так отзывались о Полине учителя. У Полины имелась одна-единственная подруга, Ася Медведева. Полина и Ася сидели на последней парте, вечно шушукались и тихо хохотали.

После девятого класса Ася переехала в другой район Москвы, и Полина осталась одна. Сидела на последней парте вялая, училась из рук вон плохо.

А потом вдруг раз – обратила внимание именно на Зою. Такие разные, девочки (нет, уже девушки) неожиданно нашли общий язык.

Зоя в этих отношениях оказалась ведущей. Помогала Полине (сначала с домашними заданиями, потом с подготовкой к выпускным экзаменам), всегда была готова выслушать подругу, подбодрить ее... А Полине и нравилась эта опека, она – инфантильная, нежная – послушно следовала каждому совету Зои.

Мать Полины, Галина Гавриловна, горничная в гостинице, мать-одиночка, без средств, связей, образования, чуть не молилась на Зою – наконец-то нашелся человек, который смог хорошо повлиять на ее капризную девочку... Бывшая подруга, Ася, по мнению Галины Гавриловны, – та еще ба-

ламутка без мозгов, плохо действовала на Полину.

Галина Гавриловна обожала свою дочь просто до безумия – настолько, что находилась в полной ее власти. Да, мать пыталась воспитывать Полину, строжить ее – кричала, наказывала, лишала подарков – но, в конце концов, таяла и делала все именно так, как хотела ее Полиночка. Бурные ссоры и не менее бурные примирения матери с дочерью происходили чуть не каждый день...

Поэтому Зоя, которая заставила Полину учиться, воспринималась Галиной Гавриловной как подарок свыше.

К концу выпускного класса стало ясно, что подруги будут и в один вуз поступать. Обе мечтали связать свою жизнь с живописью.

Занимались девушки вместе – рисовали этюды, учили теоремы и правила... Порой у Полины кончались силы, она ныла, что устала, но Зоя упорно гнала подругу вперед, чтобы как можно лучше подготовиться к поступлению в известный художественный вуз.

И они поступили, обе. Зоя сразу прошла по баллам, с Полиной не все пошло гладко – за письменную работу по русскому языку она не добрала балл, рыдала... Но Зоя заставила ее подать апелляцию, и, в общем, получилось. Полину приняли.

Галина Гавриловна на радостях закатила пир и во время застолья, изрядно приняв на грудь, даже пыталась встать перед Зоей на колени, но, к счастью, Зоя ее остановила.

Когда подружки учились в вузе, Зоя тоже тянула Полину... Вернее, не тянула даже, а твердила постоянно, что у Полины талант, что она может стать лучше всех, поскольку та – натура тонкая, переменчивая, довольно-таки часто впадала в уныние, принималась плакать после критики ее работ преподавателями...

А что Зоя брала у Полины?

Во-первых, Зое с Полиной было весело и интересно. Во-вторых, Зоя чувствовала себя нужной. И сильной. А это так приятно...

Потом Полина, в каком-то смысле, помогла Зое преобразиться, следить за своей внешностью. Зоя была из тех девушек, кто мало думал о том, как выглядит... Полина же буквально заставила Зою заботиться о своей одежде, о причёске, о макияже... Нет, Зоя не превратилась из «серой мышки» в эффектную красотку, но, по крайней мере, продумала свой гардероб, выбрала наиболее удобный для себя вариант причёски, стала пользоваться тушью для ресниц... Словом, подруга заставила Зою выработать свой определенный стиль.

Хотя, конечно, Зое за Полиной было не угнаться.

Полина – красавица. Очень яркая, очень необычная.

Потом... Как события развивались дальше?

Полина вышла замуж за одного прекрасного человека, которого звали Ильей. Родились мальчики – двойняшки Глеб и Лев. Когда дети только собирались пойти в школу, Илья умер.

А Зоя так и не вышла замуж, не нашла постоянного кавалера. Единственным значительным событием в ее жизни стало то, что лет пять назад Зоя бросила живопись и вплотную занялась ваянием (она и раньше имела к нему склонность). Зоя принялась делать надгробия на заказ (мемориальные скульптуры) – и здорово разбогатела, поскольку стала, что называется, «модным» скульптором.

Полина, кстати, очень не одобрила этот «переход». Она считала, что Зоя продала свой талант, забросила настоящее искусство и стала теперь поклоняться мамоне, денежному мешку.

А год назад между подругами случилось вот что. Полина на очередном «салоне» у Лены Болконской в отсутствие лучшей подруги вдруг заявила прилюдно, что Зоя ворует у нее идеи и интригует против нее. Много чего Полина тогда сказала о Зое, и все неправду. Вернее, не совсем неправду, а какую-то вывернутую наизнанку, странную правду. Почему Полина это сделала? Непонятно.

Зоя на том знаменательном вечере в «салоне» не присутствовала, но доброжелатели (в первую очередь Лена Болконская) ей донесли в подробностях речи Полины.

Многие отвернулись тогда от Зои, другим было все равно, третьи просто-напросто не поверили Полине.

Но, так или иначе, репутация Зои в среде ее коллег оказалась значительно подорвана.

Обвинение в плагиате, в воровстве идей – самое тяжелое

в мире искусства. Там могут простить отсутствие таланта, но плагиат – никогда.

Подобные обвинения – не редкость. Бывает, что художники, писатели, сценаристы кричат о том, что у них украли идею, сюжет. Зоя этих разговоров не боялась и, в принципе, смогла бы достойно отстоять свою позицию. Но что, когда в роли обвинителя выступает лучшая подруга?!

Зоя к этому оказалась не готова. Она сломалась – быстро и сразу. Это предательство со стороны Полины (непонятное, необъяснимое, на пустом месте, беспричинное) буквально подкосило ее.

Зоя не смогла оправдаться, не стала объясняться на публике. В первую очередь именно потому, что сломалась. Во вторую – доказать свою правоту было сложно. Как доказать, когда на протяжении многих лет Зоя делилась своими идеями, мыслями об искусстве с Полиной?

Зоя, сколько себя помнила, всегда давала подруге советы. Собственно, именно поэтому многое в творчестве Полины напоминало то, над чем работала и Зоя в то же самое время.

И пусть последние несколько лет Зоя занималась в основном мемориальным ваянием, что из того? До того Зоя тоже рисовала картины, которые до сих пор участвовали в выставках, продавались...

Доказать свою правоту Зоя не могла в принципе. По факту – некоторые элементы в работах Полины и Зои *действительно* совпадали.

Этот скандал случился год назад. Год подруги не встречались, не разговаривали. Нет, вернее, состоялся один разговор, сразу после скандала в салоне Лены Болконской.

Тогда Зоя спросила Полину, зачем та обвинила в тяжком грехе плагиата?

Полина сказала, что Зоя завидует ей – ее красоте, таланту, успеху у мужчин. Тому, что у Полины есть дети, а у Зои нет. Что Зоя влезла в ее жизнь, сует во все свой нос... Что, когда был жив Илья, Зоя не давала им, Полине и Илье, спокойной жизни, мешала. Что Зоя подавляет ее, навязывает свои способы работы, свои взгляды на искусство.

В общем, объяснила Полина, ей все это надоело, и она решила поставить Зою на место. И особенно Полине противно то, что Зоя продала свой талант за деньги и теперь работает «гробовщиком». Зоя предала искусство и потому заслуживает наказания.

Зоя была так растеряна, что не стала ничего спрашивать больше и ушла прочь. Позже Полина еще несколько раз за глаза, публично, обвиняла Зою в плагиате, в навязчивости, ханжестве и прочих грехах.

После этого Полина стала для Зои врагом номер один. Она не хотела ничего слышать о Полине, видеть ее не хотела тоже...

Зоя ничего не говорила в свое оправдание (хотя порой к ней обращались с расспросами в «салоне» Болконской). Она молчала и считала это лучшим способом доказать свою

невинность. Ведь если человек постоянно оправдывается – это, пожалуй, ему во вред. Оправдываются виновные, а Зоя себя ни в чем виноватой не считала.

Со временем Зоя стала замыкаться в себе, а Полина – наоборот, все чаще появлялась в компаниях, на людях...

Зоя первое время голову ломала над тем, как подруга могла с ней так поступить. И получалось, что могла. Полина, острая на язычок, насмешливая, нередко зло высказывалась о людях. Если она высмеивала других, то точно так же могла высмеять и Зою.

Все вполне логично.

А еще Полина – авантюристка, придумщица, любительница приключений... Сколько раз благоразумная Зоя удерживала подругу от опрометчивых поступков, спасала в опасных ситуациях.

Поэтому то, что Полина подслала к Зое Луку – тоже вполне в характере бывшей подруги. Зачем? Ну да, Полина повторила Луке всю ту же песенку про плагиат. А на самом деле хотела унизить Зою. Гадко, мерзко, жестоко.

– ...Ты ее злой демон, Зоя. Ты ворует у нее сюжеты для своих работ, ты плетешь против нее козни. Вот она и решила узнать, что ты в очередной раз затеваешь, – нагло заявил Лука, держа Зою за локти.

– Бред. Какой бред... – прошептала она. – Пусти. Это ведь ты все с ее слов говоришь, да? А ты не думал, что она тебя обманывает?

Лука отпустил Зою, отступил на шаг. И произнес спокойно:
но:

– Она ни в чем меня не обманула. Все, что она мне сообщила, оказалось правдой. И твой характер она в точности описала. Все шло именно по тому сценарию, который рассказала мне Полина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.